

Два этих человека были очень близки друг к другу. Нэджи в задумчивости уставился на Наруто. Впервые он по-настоящему увидел своего соперника, внимательно его разглядывая. На лицо Наруто снова легла та самая глуповатая гримаса, но свет, исходивший от него, ослеплял, и Нэджи пришлось зажмуриться. Он отвел взгляд в сторону зрителей. На их рядах заметил Хинату с раскрашенными румянцем щеками, напротив нее была Ханаби, которая, казалось, недоумевала, искоса разглядывая ситуацию. Рядом с ней сидел их отец, Хайаши, с выражением скорби и печали на лице. Наверное, почувствовав взгляд Нэджи, Хайаши поднял глаза, и их взгляды встретились. На этот раз Нэджи уже не был холоден, а Хайаши уже не скрывал своих чувств. «Сдаться, потому что не сможешь победить? Нет, сдаваться не потому, что не сможешь, а наоборот — сражаться до конца, даже если придется погибнуть. Это, вероятно, и есть мечта Хьюги Хизаши», — размышлял Нэджи. В воздухе закружился дым, и раздался звук, будто снаряды летели, когда десятки клонов Наруто окружили Нэджи, как охотничья стая: — «Берегись, трус! Я заберу победу прямо сейчас!» — Ты называешь меня трусом? — невольно среагировал Нэджи, принимая стойку, но его напор уже не был столь решителен. Он не знал, как ответить Наруто. И именно осознание, что Наруто прав, делало его беспомощным. Один из теневых клонов бросился вперед, и Нэджи увернулся. Его движения были такие же, как раньше, но через мгновение из-за спины выскочил другой клон, и, не успев среагировать, Нэджи получил удар в лицо, от чего отлетел назад. Поле замерло в тишине, даже Наруто с недоумением посмотрел на свой кунай. После паузы раздался оглушительный шум. Зрители, не понимающие сути боя, закричали, когда увидели, как Наруто с помощью мощного ниндзя-дзюцу сбил соперника с ног. Десятки Наруто переглянулись и обратили свои взгляды на Нэджи, летящего в сторону земли. Он приземлился с травмами на левой стороне лица. Это была всего лишь незначительная рана, но Нэджи не спешил подниматься. — Что с тобой? — изрядно взбешенный, воскликнул Наруто. Нэджи не знал даже, когда закрыл глаза. Он взглянул в сторону голоса, полные недоумения глаза искали ответ: — «Я... ошибся, отец...» Наруто вдруг почувствовал холодок: — «Я не твой отец! Ты что, думаешь, что я вбил тебя в глупость одним ударом?!» Нэджи просто смотрел на Наруто: — «Жизнь человека определена с самого начала — судьба уже заранее указывает ту вершину, которую ему суждено достичь. Никакие усилия не изменят этого, лишь приблизят к стандарту, установленному судьбой... Я всегда так думал». — «Смерть отца, участь побочной ветви и ты, Узумаки Наруто.» — Нэджи, шатаясь, поднялся. Похоже, удар в лицо немного встряхнул его, и защитная повязка, привязанная к его лбу, медленно соскользнула, открыв «птицу в клетке», выгравированную на его лбу. Он стоял, глядя на Наруто: — «Узумаки Наруто, если судьбу можно изменить, тогда почему мой отец умер? Почему побочная ветвь должна быть отмечена печатью? Почему... ты стоишь здесь?» Злость на лице Наруто немного утихла, он выглядел озадаченным: — «Не знаю, о чем ты, но могу ответить тебе — я стою здесь, потому что... ты сказал, что я последний». Нэджи замер, не в силах отыскать слова: — «Это всё?» Сложив дыхание, Наруто продолжил: — «Я не знаю, почему твой отец покинул этот мир, и не знаю, что такое птица в клетке. Но ты — гений. Все знают, что я, вероятно, не твой соперник — сильнейший гений клана Хьюга, Хьюга Нэджи. Но я хочу, чтобы ты знал...» Наруто гордо указал на защитную повязку на своем лбу: — «Я, Узумаки Наруто, не последний!» Если в этом мире есть гении, то Нэджи несомненно среди них. А Наруто — уж точно не последний. Тысячи людей наблюдали за его ростом, от ловкого шалопая до спасителя всей деревни, от потомка Шести Путей, открывшего путь не только своему народу, но и всему миру ниндзя. Куда бы он ни шёл, он никогда не сворачивал с пути, обещая осуществить свои мечты. — Если говорить о Хьюга Хизаши, его отец пожертвовал собой ради защиты Хайаши. Я рад, что это произошло, — сказал Курома, закрыв глаза. — Птица в клетке — это печать, установленная кланом Хьюга, чтобы контролировать Бьякуган от внешних угроз. В случае смерти или выемки глаз она уничтожает их. Все побочные должны иметь эту печать. Она призвана защищать главную линию клана. Курома открыл глаза и улыбнулся: — «К счастью, в главной семье нет маньяков, иначе побочные вряд ли решились бы иметь дочерей... Подожди, о чем это я?» Курома, осознав

свою фразу, нахмурился и сказал Наруто: — «Забудь об этом!» Наруто самодовольно улыбнулся, ведь он понимал, что имел в виду Курома. — Э э... — Наруто кашлянул, как будто не слышал последних слов Куромы, — Нэджи, я могу понять обстоятельства твоего отца, но не собираюсь давать советы. Однако, если тебе не нравится птица в клетке, просто уничтожь ее. Нэджи озадаченно уставился на Наруто, как и три члена семьи Хьюга: Хайаши, Ханаби и Хинату. Разве можно что-то подобное просто сказать и решить? Но Наруто, как будто не замечая их мыслей, поднял палец вверх с уверенной улыбкой: — «Если так, то решено! Когда я стану Хокаге, первым делом уничтожу птицу в клетке. В конце концов, такое существование лишь делает людей несчастными». Курома с заклинанием заржал в запечатанном пространстве. — Скажи, это не бессмысленно? Она действительно хорошо защищает Бьякуган, но теперь птица в клетке постепенно теряет смысл, превращая защиту в гнёт. Однако побочным больше не нужно бояться за свои глаза, так или иначе. — Что за извращённая логика? — Нэджи вдруг засмеялся, его смех был полон отчаяния. — Знаешь, о чем говоришь? — Знаю, и очень хорошо. — Наруто, с гордостью распуская грудь, добавил: — Но мне всё равно. Считаю это фантазией или мечтой — меня не волнует. Я просто продолжу двигаться к своей цели и никогда не сдамся. Это мой путь ниндзя! Казалось, что внутренний тон Нэджи изменился, он ощутил некое возбуждение от слов Наруто. Теперь судья, собравшийся посмотреть на результат поединка, тоже начал улыбаться. Его глаза уже не были холодными, в них читалось странное чувство, названное облегчением. Это казалось первым моментом, когда он продемонстрировал эмоцию к Наруто. — Судья! Что ты делаешь, судья?! В запечатанном пространстве Курома воскликнул от радости: — Пока ты не остановишься, впереди обязательно зацветёт надежда! Так что не останавливайся! Если бы не его половая безразличность, Курома действительно начал бы петь «Цветок надежды». Наруто, не догадываясь о злоключениях Куромы, держал кунай и указал его на Нэджи, его злость сменилась широкой улыбкой: — Ты заявил, что победишь, потому что такова твоя судьба. А теперь я прерву эту судьбу, а ты что? Сдашься? Отступишь? Или всё же считаешь, что проиграешь мне, последнему? — Я не проиграю. — В какой-то момент на лице Нэджи появилась улыбка, не насмехательская, но что-то похожее на признание Наруто как противника. — А насчёт того, последний ты или нет, сам бой изменит это. Как только его слова прозвучали, в глазах Нэджи снова заблестели голубые вены, мощная харизма нарастала. В этот миг Нэджи казался даже сильнее, чем прежде. Это именно то, что и ожидал Наруто: — Желаю этого. Бой возобновился, и десятки Наруто снова окружили Нэджи, они излучали уверенность, будто даже клан Хьюга не справится с таким количеством противников одновременно. — Вперёд! — одновременно закричали Наруто, мчащиеся к Нэджи, готовые к схватке, скорей даже джонину было бы сложно различить их движение. А Нэджи, по-прежнему улыбаясь, чуть изменил позу рук. Когда это увидел Хайаши, он невольно вскочил в недоумении, его Бьякуган включился: — Невозможно! Побочная ветвь не должна быть способна выполнять этот приём! Ханаби, выросшая в главной линии, хотя и не обучалась, но знала, что это за движение. Она прикрыла рот от удивления, и её Бьякуган тоже открылся: — Брат Нэджи... Он умеет даже это... — Вот оно! — кричала Тентен, полная восторга, потрясая Сай внутри себя. — Это тот самый приём, самый сильный прием Нэджи! Лицо Хинаты, изначально полное уверенности, овладело тревогой, и она непроизвольно сжала кулаки: — Брат Нэджи... Наруто-кун... В боевой арене Нэджи, встретив внезапный натиск десятков Наруто, остро сосредоточился. Он смотрел на уверенное выражение Наруто, его фигура вдруг сдвинулась, вот, холодные слова были произнесены в чьи-то уши, проникая через чакру и ветер: — «Ба Гуа Пальм-Кайтян!»